

ДОМАШНИЕ ДУХИ В “КИКИМОРЕ”
О.М.СОМОВА И “ТРИЛЬБИ” ШАРЛЯ НОДЬЕ.
К ВОПРОСУ О ПРЕЛОМЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Валентина Борисовна Мусий

В статье рассматриваются произведения русского предромантика и французского романтика с точки зрения проявления в них эстетических взглядов писателей, схожести сюжетных мотивов, типов персонажей, специфических черт двух национальных литератур.

Ключевые слова: национальная мифологическая картина мира, ментальность, литература

В статті розглядаються твори російського предромантика та французького романтика з точки зору прояву в них естетичних поглядів письменників, схожості сюжетних мотивів, типів персонажів, специфічних рис двох національних літератур.

Ключові слова: національна міфологічна картина світу, ментальність, література

The article views piece of literature of the Russian preromantic and the French romantic from the point of demonstration of ethetic principles of the writers, of similarity of plot motives, types of characters, specific features of the two national literatures.

Key words: national mythological world picture, mentality, literature

Первые десятилетия XIX века в мировой литературе - это время, когда интересы многих художников сосредоточились на обычаях, фольклоре, верованиях народа. Это было обусловлено стремлением понять специфику национального характера, и в частности особенности национальной мифологической картины мира. И О.М.Сомов, и Шарль Нодье были убеждены в необходимости внимательного изучения фольклора для дальнейшего развития литературы. О.М.Сомов в статье “О романтической поэзии” (1823) и Шарль Нодье в статье “О фантастическом в литературе” (1830), выступая против жестких норм, предписываемых художественному произведению теорией классицизма, призывали писателей обратиться к народнопоэтическому творчеству, “в свойствах и звуках языка, в духе народном, в воображении своих единоземцев найти новое, никем не замеченное; дать вид и осязаемость словам и понятиям” [5, с.559]. В том, что все чаще гении, вставшие во главе новой литературы, обращались к сказке, которая “породила или приукрасила историю молодых народов в смутные времена” [8, с.409], Шарль Нодье видел закономерность времени.

Безусловно, между этими писателями существует принципиальное различие. В первую очередь, это касается того художественного направления, которое они представляют: Сомов, выступивший за народность в искусстве и воспринимавший ее как воссоздание национального своеобразия характеров, нравов, быта, был писателем предромантиком. Шарль Нодье, для которого антитеза между мечтой и действительностью имела абсолютный характер, был романтиком. Различны и корни фантастики в их произведениях. О.М.Сомов основывался исключительно на мифологии украинского и русского народов. Что же касается французских писателей, то, как показывает большинство исследователей, к истокам их фантастических произведений следует отнести не только фольклор, но и житийную литературу, и средневековый роман, и традиции писателей, представляющих другие национальные литературы, - Вальтера Скотта, “считавшего, что в основе чудесного должны лежать народные легенды” [1, с.51], и, прежде всего, Э.Т.А.Гофмана. В то же время глубокий интерес к мифологическому дает основания находить между “Кикиморой” О.М.Сомова и “Трильби” Шарля Нодье сходство.

В центре каждого из произведений - дух, поселившийся в доме и до некоторых пор являющийся его хранителем. Как известно, деление духов на помощников и вредителей-демонов, хотя и присутствует в дуалистических мифах, довольно условно, поскольку они одновременно могут проявлять себя по-разному: “добро и зло, приносимое духами, определяется не столько их постоянной природой, сколько ролью в данной ситуации” [6, с.413]. Трильби, влюбленный в Джанни, “скорее шаловливый, чем лукавый”, с ней, ухаживал за ее любимым барашком, нес тяжесть весел и отталкивал вдаль волну, когда ей приходилось грести в лодке, крал для нее с “очарованных лугов” цветы поздней осенью... По отношению же к мужу Джанни Дугалу, Трильби был, скорее, вредителем. Стараясь задержать того как можно дольше на озере, чтобы побыть с возлюбленной лодочницей наедине возле домашнего очага, он обманывал его надежды на

большой улов, “приняв образ огромной рыбы”, или же привязывал “петли его сети к коварным водорослям озера” [7, с.319].

Кикимора, поселившаяся в доме Панкрата Пантелеева, до некоторых пор была его хранителем: она пряла по ночам пряжу, ухаживала за маленькой внучкой Варей, причесывая и приглаживая ее волосы, взбивала перину и изголовье в ее кровати, “как лебяжий пух” [4, с.218]. В обоих случаях духи дома связаны с непосредственным существом в нем - “задорной лодчицей” Джанни и ребенком, семилетней Варей, - и оказываются его помощниками. В новелле Шарля Нодье, основанной как на традициях народной сказки, так и средневекового романа, это обусловлено тем, что Трильби избрал Джанни своей Прекрасной Дамой. Как и герой французского куртуазного романа, ориентированного, по мнению Е.М.Мелетинского, на волшебство-героическую сказку, он совершает подвиги для того, чтобы “добыть царевну”. И точно так же, как и в рыцарском романе, в “Трильби” Нодье в качестве основной решается проблема “возможного несоответствия и желанной гармонизации личных чувств героя и его социальных обязанностей” [2, с.152]. В рассказе О.М.Сомова доброе отношение Кикиморы к ребенку обусловлено представлениями славян об этом существе низшей демонологии. Таким образом, хотя функции Кикиморы и Трильби по отношению к дому, в котором они поселились, одинаковые - они его хранители, - мотивация доброго их поведения различна. Различны также корни фантастического и облик духов.

Л.Мироненко назвала Трильби “влюбленным дьяволом”, образ которого на протяжении произведения все более очеловечивается: он не только эльф, но в воображении Джанни ребенок, подросток, молодой человек с портрета... [3, с.108-109]. По отношению же к Джанни он - рыцарь.. Именно Трильби связан с миром мечты, который становится близким, желанным Джанни. Той мечты, которой не дано стать реальностью.

Что же касается рассказа О.М.Сомова, то включение в него мифологии соответствовало задаче более полного раскрытия особенностей народного мировосприятия. Кикимора в романтическое существо не превращается. Облик ее безобразен, что соответствует народным поверьям об этом “злом духе дома, божестве ночных кошмаров” [9, с.278]. Девочке она являлась в виде “превеликой и претолстой кошки”, “с яркими глазами, которые светились, как уголья”, “со страшными железными когтями, которые, как серпы, высовывались из-под пальцев” [4, с.219]. И доброта ее в большей степени - исключительное явление. Действительно, в некоторых областях существовали поверья о возможном благожелательном отношении кикиморы к людям, ее помощи умелым и старательным хозяйкам. Считалось, что она “убаюкивает по ночам маленьких ребят, невидимо перемывает кринки и оказывает разные другие услуги по хозяйству...” [9, с.280]. И все же, как правило, она негативно оценивается как дух-вредитель.

Несмотря на то, что духи проявляли себя в основном как хранители дома, от них попытались избавиться Джанни и Дугал - потому, что рассердились на “лукавого соблазителя” Трильби, а старики Пантелеевы поскольку, “как люди набожные, не хотели терпеть у себя в дому никакой нечисти”. В обоих случаях за помощью обратились к священнику. В рассказе О.М.Сомова священник, “человек ученый”, старается дать рациональное объяснение загадочным явлениям. Ведь вера в кикимор, домовых, огненных змеев связана с языческими представлениями и отдаляет крестьян от Бога. Кикимору взялся изгнать шарлатан *Вот-он* Иванович. У Шарля Нодье изгнание Трильби совершает его страстный, фанатичный противник - монах-отшельник Рональд, заявляющий прихожанам, что “милосердие может оказаться большим грехом” [7, с.331].

И для Джанни с Дугалом, и для семьи Панкрата Пантелеева попытка избавления от домашнего духа закончилась бедой. Лишь на первый взгляд новелла-сказка Шарля Нодье была основана на мотиве вредительства. На самом деле ее стержнем является ликвидация недостачи. Недостача же эта возникает в тот момент, когда Трильби покидает хижину Дугала. Что касается Джанни, то она утрачивает душевный покой и радость. Ей кажется, что вместе с Трильби из домика ушло что-то очень важное и хорошее: “Какие длинные стали вечера и как грустно на сердце у Джанни!” [7, с.322]. Но и Дугал утратил покой. Правда, его больше занимали бытовые неурядицы, случившиеся после изгнания Трильби: “У хижин, где водятся эльфы, есть свои привилегии. В них ни за что не ударит молния во время грозы, и они не боятся пожаров...” Домовой делает обход дома по ночам, “заделывает на крыше просветы в соломе... или укрепляет дверь в расшатанных бурей петлях...” Что же касается Кикиморы, то она после действий *Вот-он* Иванoviча превращается в духа-вредителя. Трильби, во многом соотносимый с рыцарем, ни в коем случае не позволил бы себе зла по отношению к Дугалу или Джанни. В рассказе же О.М.Сомова, основанном на народной мифологии, однозначно отрицательно представляющей существ низшей демонологии, Кикимора наконец открывается для обитателей дома в своем настоящем облике: “То вдруг загремит и затрещит на потолке, словно вся изба рушится; то впотьмах подкатится клубком к кому-либо из семян под ноги и собьет его, как овсяный снопок...” [4, с.223]. Правда, Варю Кикимора не трогала, но и заботиться о ней перестала.

Подобные перемены стали причиной того, что теперь нужно было преодолевать последствия изгнания духов. В надежде найти “могущественную защиту от преследований судьбы”, Дугал и Джанни отправляются на торжественный молебен в честь святого Коломбана в монастырь Бальвы. И здесь “Трильби” Шарля Нодье все больше начинает отходить от законов сказочного жанра, поскольку на первый план выходит чисто романтическая ситуация выламывания человека из среды. Сказочный мотив нарушения табу с присущей сказке градацией (Джанни нарушает табу трижды) оборачивается не бедой, как это полагается в сказке, но победой героини. Первый раз она нарушает запрет сурового Рональда на сочувственное отношение к кому-либо из клана Мак-Фарланов, когда спрашивает, может ли изображение человека, преданного, как заявляет священник, вечному проклятию, быть расположенным в святом месте. Затем она все же поднимает занавес, закрывавший портрет, хотя ей и было запрещено это делать. И наконец, в тот момент, когда вся масса людей проклинает Трильби, хотя и не может упрекнуть его в чем-то, Джанни наперекор призывам сурового монаха, восклицает: “Милосердие!... Любовь и милосердие...” [7, с.336]. Теперь, когда естественное человеческое начало одерживает в ней верх над рассудочным, она перестает испытывать внутреннюю борьбу между непреодолимым влечением к Трильби и долгом перед Дугалом. Джанни возвращает себе душевную гармонию. Дугал же, в отличие от нее, признается, что ему нелегко было произносить проклятие и теперь ему хочется просто забыться.

Обретшей внутренний покой Джанни является Трильби. Он испытывает ее, принимая облик крошечного старичка. Узнав же, что Джанни сокрушается из-за участия в изгнании доброго домашнего духа, он объявляет ей, кто он на самом деле. Интересно еще одно проявление отхода Шарля Нодье от сказочной поэтики. Известно, что дух может принимать любой облик путем превращения. Здесь же ситуация ближе к карнавалу, чем сказке: Трильби просто наклеил себе бороду из мха, волосы из пакли... Налицо не метаморфозы, а именно ряжение. В этот момент и соединяются в единую линию история святого Коломбана, клана Мак-Фарланов и Трильби. Оказывается, Коломбан Мак-Фарлан, ставший святым, - брат Трильби. Сказка все больше проявляет жанровые признаки новеллы о неблагополучии мира, в котором человек обречен на изгнание, разлуку,

Что же касается “Кикиморы” О.М.Сомова, то она не выходит за пределы рассказа, основанного на традиционном для былички мотиве опасности, которую несет встреча человека с нечистой силой. Панкрату Пантелееву лишь с помощью магических обрядов удается избавиться от домашнего духа, превратившегося во вредителя и чуть не забравшего с собой маленькую внучку Варю.

Близость между рассмотренными нами произведениями обусловлена, прежде всего, тем, что они во многом опираются на мифологические представления народа, обращены к фольклорным жанрам (сказке, быличке). Это соответствовало той художественной задаче, которую поставили перед современной литературой оба писателя. В то же время между “Кикиморой” Сомова и “Трильби” Нодье существует и значительная разница. В первую очередь, это связано с тем, что О.М.Сомов как писатель-предромантик стремился наиболее полно и точно запечатлеть особенности мифологических представлений народа о существах низшей демонологии. Что же касается Шарля Нодье, то ему, как романтику, важнее было выразить собственную мысль о неблагополучии мира, противопоставить мечту действительности, непосредственное или исключительное существо - представителю толпы. Кроме того, и в этом проявилась особенность французской фантастической литературы в целом, он шел не только от фольклора, но и от куртуазного романа, что, безусловно, влияло на выбор ситуаций и характеристику персонажей.

Литература:

1. Золотых И.Г. Теофиль Готье-новелист // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе. Сб. научн. трудов. – М., 1981. – Вып. 6.
2. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986. – 296 с.
3. Мироненко Л. Влюбленный дьявол Шарля Нодье (Романтическая повесть-сказка “Трильби”) // Вікно в світ. – 2000. – № 1.
4. Сомов О.М. Купалов вечер: Избранные произведения. – К., 1991. – 237 с.
5. Сомов О.М. О романтической поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети 19 века. – М., 1974. – Т.2.
6. Токарев С.А. Духи // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М., 1987. – Т.2.
7. Нодье Ш. Избранные произведения. – М.-Л., 1960. – 240 с.
8. Нодье Ш. О фантастическом в литературе // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М., 1980.
9. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М., 2001. – 200 с.